

ПСИХОФИЗИОЛОГИЧЕСКИЙ И ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТЫ ДИАГНОСТИКИ НАРУШЕНИЙ СЕКСУАЛЬНОГО ПРЕДПОЧТЕНИЯ

Профессор Г.Е. ВВЕДЕНСКИЙ, А.Ю. ХАВКИН

*ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, Москва,
Российская Федерация*

На основании результатов клинико-, экспериментально-психологических и психофизиологических исследований представлена психологическая характеристика совершивших сексуальные правонарушения лиц с парафилиями и с псевдопарафильным поведением, показаны различия в сохранности их сексуальной сферы.

Данных клинического обследования в экспертных условиях не всегда бывает достаточно для установления диагноза расстройств полового предпочтения. Причины затруднений диагностики парафилий неоднородны. Первая группа причин — несоответствие критериям МКБ-10. Возможны два варианта такого несоответствия: а) однократный эпизод реализации девиантной сексуальной активности или реализация ее на протяжении менее 6 мес; б) отрицание испытываемым идеаторной активности (фантазии, сновидения) девиантного характера. Следует заметить, что многие эмоции, в том числе и сексуальные, не требуют участия коры и осознанных процессов обработки информации [1; 2]. Поэтому в ряде случаев, вероятно, можно говорить о неосознаваемости сексуальных предпочтений. Последнее не противоречит и гипотезе о диссоциативности личности страдающих парафилиями, доходящей до степени множественности. Вторая группа причин — установочное поведение, которое также бывает различным: а) отказ от сотрудничества с врачом; б) диссимуляция парафильных переживаний; в) симуляция парафилии. Имитация признаков расстройства полового предпочтения встречается достаточно редко, однако наличие подобных случаев в экспертной практике также свидетельствует о необходимости объективизации клинических данных.

Наш опыт диагностики нарушений сексуального предпочтения основан на результатах клинико-психопатологического, экспериментально-психологического и психофизиологического обследования 98 мужчин, проходивших стационарную судебно-психиатрическую экспертизу в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского в период 2001–2003 гг. после привлечения их к уголовной ответственности за сексуальные правонарушения.

В процессе обследования испытуемые были разделены на три группы. Первую из них составили 44 человека, у которых был установлен диагноз парафилий (расстройств сексуального предпочтения) согласно категориям МКБ-10. Во второй группе (40 человек) квалификация психического и сексологического состояния затруднялась вследствие установочного поведения. У испытуемых третьей группы (14 человек) был диагностирован псевдопарафильный синдром. Их поведение при совершении деликта было сходным

с поведением лиц с диагнозом расстройства сексуального влечения: 1) по девиантному выбору объекта и 2) по характеру сексуальной активности (например, насильственные, агрессивно-садистические действия, анальные, орально-генитальные контакты), однако у этих лиц не выявлялась соответствующая идеаторная активность и отсутствовало устойчивое предпочтение объекта сексуального влечения (или совершенный деликт был первым в жизни).

Кроме клинико-психопатологического метода применялось направленное экспериментально-психологическое исследование специфических характеристик, отражающих психосексуальную сферу, — половое самосознание, полоролевые предпочтения, особенности межличностного реагирования, способы разрешения межличностных конфликтов в ситуациях, релевантных сексуальной сфере. Это позволяет уточнить механизм патогенеза аномального сексуального поведения и его регуляции, а также объективизировать клиническую картину, поскольку дает возможность выявить часто неосознаваемые особенности психосексуального развития или скрывающиеся проблемы этой области [3]. Использовались такие методики, как «Кодирование» (модифицированный вариант «проективного перечня») [4], МиФ (маскулинность и фемининность) в модификации Т.Л. Бессоновой [5], ЦТО (цветной тест отношений), тест «Руки».

Проводилось психофизиологическое исследование, теоретическую основу которого большинство ученых видит прежде всего в эмоциональной реакции на стимул, причем допуская возможность существования частично или полностью неосознаваемых эмоций, в том числе и сексуальных [6–11].

Сущность психофизиологических методик определения направленности полового влечения — фиксирование изменения определенных физиологических параметров в ответ на предъявление эротических стимулов. Одновременная регистрация нескольких физиологических показателей (полиграфия) значительно повышает надежность результатов. Воздействие визуальных и слуховых эротических стимулов вызывало разные реакции у разных испытуемых, что привело к заключению о целесообразности их сочетания.

Исследование проводилось с использованием программно-аппаратного комплекса «Дельта». Реги-

стрировались изменения грудного, диафрагмального дыхания, кожно-гальванической реакции, плетизмографии, мышечных и голосовых реакций в ответ на предъявление стимульного материала. Для каждой реакции на вопрос система обработки полиграмм вычисляет 12 параметров. Для кожно-гальванической реакции измеряются максимальная амплитуда, энергия сигнала, скорость изменений сигнала; для сигнала дыхания — амплитуда максимальной волны дыхания, дисперсия периода дыхания на интервале отрезка времени, амплитуда минимальной волны дыхания; для кардиосигнала — амплитуда сигнала, средняя частота на отрезке анализа, дисперсия частоты сокращений сердца. В качестве дополнительных параметров измеряются величина разности сигналов грудного и диафрагмального дыхания, амплитуда измерений давления крови, энергия двигательной активности. Стимульный материал представлен опросниками и серией специально подобранных слайдов. За основу при создании опросников данного исследования был взят разработанный J. Reid [12] тест контрольных вопросов (Control Question Test, CQT), широко использующийся в криминологической практике. Подсчет и ранжирование регистрируемых физиологических реакций в данном методе осуществляются по шкале Бакстера (Bacster's Zone of Comparison method).

При проведении обследования испытуемым предъявлялись восемь разноформатных опросников: тест на уровень тревожности, с использованием звуковых сигналов, вербальный тест на уровень тревожности, тест визуальной стимуляции с предъявлением стимулов нормативного, гомосексуального, садистического, гомо- и гетеросексуального педофильного характера (предъявление релевантных стимулов чередовалось с нейтральными, экспозиция стимулов — 5 мс) и пять видов опросников: скрининговый, предпочтения по полу, по возрасту, по активности, садистические тенденции. Обработка результатов стандартизирована, диагностика проводилась по вероятности отличия психофизиологических реакций на релевантные темы от реакций по шкале тревожности (t-критерий Стьюдента).

Статистическая обработка полученных данных проводилась с использованием методов корреляционного анализа: вычисление непараметрических коэффициентов Кенделла, Фишера, Спирмена, для чего использовались компьютерные программы Excel 97 для Windows, Statistica 5,0.

Для испытуемых с нарушениями полового предпочтения с выбором гомосексуального зрелого объекта оказалась характерна маскулинизация сексуального партнера, неустойчивость образа Я, приписывание ребенку качеств взрослого, что может отражать недостаточную дифференцированность возрастных представлений о половой роли. Была выявлена тенденция к установлению ассоциативных связей между понятиями «секс», «ребенок», «мальчик», «мужчина»; в то же время обнаруживалось стремление соответствовать оценкам мужской группы, которое свидетельствует о внутриличностном конфликте и соответствует представлению о том, что полученная в детстве травма (сексуальное насилие) искажает последующее

психосексуальное развитие. У испытуемых с эмоционально значимыми психофизиологическими реакциями на предъявление визуальных стимулов гетеро- и гомосексуального педофильного характера при психологическом исследовании были выявлены также агрессивные тенденции, аффектация, тенденции к установлению зависимых отношений. Таким образом, у этих лиц отмечалось совпадение данных психофизиологического, клинико-психопатологического и психологического исследований.

У испытуемых, положительно отвечавших на вопрос о сексуальном влечении к мальчикам, но без статистически значимых психофизиологических реакций на предъявление педофильных стимулов при психологическом обследовании выявлялись черты низкой маскулинности, а также выраженные агрессивные тенденции, черты демонстративности, аффектации, что в гораздо меньшей степени было свойственно лицам с эмоциональной значимостью стимулов педофильного характера.

Среди личностных особенностей испытуемых из первой группы с эгодистоничным отношением к гомосексуальному влечению со значимыми реакциями на вербальные стимулы гомосексуального характера характерной была низкая маскулинность образа Я при стремлении соответствовать мужской половой роли (ассоциативные связи между понятиями «я» — «отец»), нечеткость в сфере сексуальных предпочтений (амбивалентное восприятие образа как мужчин, так и женщин, тенденции к установлению ассоциативных связей «секс» — «девочка», «ребенок», «мужчина»), что может свидетельствовать о внутриличностном конфликте. Таким образом, у лиц с эгодистоничным отношением к гомосексуальному влечению также выявляется совпадение клинических, психологических и психофизиологических данных.

У испытуемых с положительными ответами на вербальные стимулы гомосексуального характера без значимых эмоциональных реакций выявлены такие психологические особенности, как приписывание мужчинам низкомаскулинных качеств, восприятие лиц своего пола в качестве идеальных сексуальных партнеров, недостаточная сформированность стереотипов полоролевого поведения с нечеткостью представлений о возрастной специфике половой роли, отрицательное восприятие женщины, ребенка. Выявлялись черты зависимости от внешнего мира, демонстративность, трудности в установлении межличностных контактов.

Выбор гетеросексуального педофильного объекта достоверно часто совпадал при проведении психофизиологического обследования с положительными вербальными ответами на стимулы, совпадающими с поведением, но без статистически значимых психофизиологических реакций при ответах на них (желание половых контактов с детьми. $R = 0,87$; $p < 0,05$). В то же время у этих лиц выявлялись статистически значимые психофизиологические реакции на стимулы, по форме активности и выбору объекта влечения не совпадающие с поведением (вербальные и визуальные стимулы садистического характера, визуальные стимулы гомосексуального характера. $R = 0,79$; $p < 0,05$).

Выбор гетеросексуального эфебофильного объекта коррелировал с психофизиологическими данными, совпадающими с клиническими (визуальные стимулы гетеросексуального эфебофильного характера), а также выявлялись статистически значимые психофизиологические реакции на стимулы, не совпадающие с поведением. Как и у лиц с выбором гетеросексуального педофильного объекта, это были вербальные стимулы садистического (сексуальное возбуждение при испуге женщин) и визуальные стимулы гомосексуального педофильного характера ($R = 0,75$; $p < 0,05$).

У лиц с выбором нормативного гетеросексуального объекта (раптофилия) были выявлены корреляции с результатами психофизиологического обследования, свидетельствующие об эмоциональной значимости для них как стимулов, сходных по характеру с поведением (визуальные стимулы гетеросексуального эфебофильного характера. $R = 0,84$; $p < 0,05$), так и стимулов, свидетельствующих об эмоциональной значимости иных форм девиантной сексуальной активности по выбору объекта влечения (вербальные стимулы гомосексуального и педофильного характера).

Таким образом, при раптофилии также сохраняется недифференцированность объекта сексуального влечения.

Значимость стимулов садистического несексуального характера у лиц с аномалиями сексуального влечения коррелировала при психологическом исследовании с признаками зависимости от внешнего мира, деперсонализированным, негативным восприятием мужчин, отсутствием положительного восприятия образа ребенка, как механизм компенсации ощущения беспомощности и уязвимости ($R = 0,78$; $p < 0,05$). У лиц, продемонстрировавших положительные вербальные ответы на данные стимулы без значимых реакций, были обнаружены следующие психологические особенности: генерализация отрицательного восприятия образа мужчин на другие объекты (женщины, дети) при стремлении соответствовать мужской половой роли, агрессивно-садистические черты, демонстративность, установлены ассоциативные связи между понятиями «секс» и «страх», «угроза», «опасность».

У лиц первой группы с агрессивными формами поведения при совершении деликта выявлены корреляции результатами психофизиологического и клинического методов обследования, свидетельствующие о совпадении данных форм поведения с эмоциональной значимостью вербальных стимулов садистического характера ($R = 0,85$; $p < 0,05$), и отрицательная корреляция со значимостью стимулов эротического характера ($R = -0,71$; $p < 0,05$).

У подэкспертных с поведением садистического характера при совершении деликта определялись эмоциональная значимость визуальных стимулов гомосексуального характера и статистически достоверные корреляции с положительными вербальными ответами на вербальные стимулы, совпадающие с поведением (садистического характера) и положительными ответами без значимых эмоциональных реакций на вопросы о сексуальном влечении к лицам своего пола ($p < 0,05$). Направленное эксперимен-

тально-психологическое исследование позволило выявить у них недостаточную сформированность стереотипов полоролевого поведения с нечеткостью представлений о возрастной специфике половой роли; отрицательное восприятие образа мужчин, наличие садистических компонентов (показатель «садизм» — «жестокость по тесту «Руки»»), черты зависимости от обстоятельств, аффектация, что дает основание говорить о недостаточном эмоциональном усвоении мужской роли.

У лиц с эксгибиционистским характером девиантной активности достоверно чаще при психофизиологическом обследовании выявлялась эмоциональная значимость вербальных стимулов садистического несексуального характера ($R = 0,76$; $p < 0,05$). Подобная закономерность подтверждает внутреннее единство парафилий.

Совпадение клинических данных и результатов психофизиологического обследования чаще ($p < 0,05$) имело место при эгодистоническом отношении испытуемого к характеру влечения. Статистически достоверных корреляций в отношении эмоциональной значимости стимулов, не проявляющихся в поведении, у таких лиц выявлено не было.

Во всей группе лиц с аномалиями сексуального влечения и эгосинтоническим отношением к характеру влечения выявлялись достоверные корреляции с положительными вербальными ответами на стимулы, совпадающие с поведением, без значимых эмоциональных реакций при их предъявлении ($p < 0,05$). Эгосинтоническое отношение достоверно чаще встречалось у лиц с педофильным характером влечения (гетеро- и гомо-), результаты психофизиологического обследования выявляли у них также значимость стимулов гомосексуального характера.

В целом для подэкспертных первой группы оказались характерными низкая маскулинность и высокая фемининность полоролевой идентичности. У этих лиц выявлялось восприятие незрелого объекта сексуального влечения, стремление к доминированию на фоне подавления агрессивных тенденций, маскулинизация сексуального партнера, неустойчивость образа Я, приписывание «ребенку» качеств взрослого, что может отражать недостаточную дифференцированность возрастных представлений о половой роли. Обнаруживались тенденция к установлению ассоциативных связей между понятиями «секс» и «ребенок», «мальчик», «мужчина», существенное расхождение между параметрами Я-идеальное и Я-реальное (по данным методики МиФ), в то же время стремление соответствовать оценкам мужской группы.

Для испытуемых первой группы была характерна «зависимость от внешнего мира» (по данным методики кодирования), что может свидетельствовать о характерных для них ощущениях собственной уязвимости и незащищенности, повышенной чувствительности к неудачам, ориентации на оценки окружающих без дифференцированного полоролевого предпочтения, неуверенности в себе. По данным методики ВИД, подэкспертные первой группы склонны к самоотождествлению с образом ребенка на эмоциональном уровне, при этом не отождествляя себя эмоционально

с образом взрослого ни в образе Я-реальное, ни в образе Я-идеальное.

Полученные данные свидетельствуют о выраженном внутриличностном конфликте (несоответствие полоролевых предпочтений и полоролевых стереотипов, конфликтное эмоциональное восприятие мужской половой роли).

Результаты психофизиологического обследования лиц с нарушениями полового предпочтения (значимые эмоциональные реакции на релевантные вербальные стимулы по объекту и способу реализации сексуальной активности) подтверждаются данными психологического исследования об особенностях полоролевых и сексуальных предпочтений (восприятие незрелого объекта сексуального предпочтения при положительных реакциях на педофильные стимулы, стремление к доминированию на фоне подавления агрессивных тенденций при положительном реагировании на садистические стимулы). Они свидетельствуют о выраженном внутриличностном конфликте (несоответствие полоролевых предпочтений и полоролевых стереотипов, конфликтное эмоциональное восприятие мужской половой роли). Преимущественно это нарушения эмоционального восприятия полоролевых стереотипов и сексуальных и полоролевых предпочтений.

У лиц с положительными вербальными ответами, но без статистически значимых эмоциональных реакций на предъявление релевантных стимулов при психологическом исследовании обнаруживаются тенденция к снижению конфликтности (синтонное отношение), генерализация нарушений, выраженных у лиц с эмоциональной значимостью стимулов, а также изменения, свидетельствующие о формировании новых предпочтений по объекту и формам сексуальной активности (формирование агрессивных тенденций). В данном случае можно говорить о снижении вклада эмоциональных нарушений на фоне искажений в когнитивной сфере полоролевых стереотипов, полоролевых и сексуальных предпочтений.

Таким образом, у лиц с парафилиями значимые эмоциональные реакции на вербальные стимулы (по объекту и способу реализации сексуальной активности) подтверждаются психологическими данными об особенностях полоролевых и сексуальных предпочтений (восприятие незрелого объекта сексуального предпочтения при положительных реакциях на педофильные стимулы, стремление к доминированию на фоне подавления агрессивных тенденций при положительном реагировании на садистические стимулы). Они свидетельствуют о выраженном внутриличностном конфликте (несоответствие полоролевых предпочтений и полоролевых стереотипов, конфликтное эмоциональное восприятие мужской половой роли). Преимущественно это нарушения эмоционального восприятия полоролевых стереотипов и сексуальных и полоролевых предпочтений.

У лиц с положительными вербальными ответами, но без статистически значимых эмоциональных реакций при психологическом исследовании обнаруживаются тенденция к снижению конфликтности (синтонное отношение), генерализация нарушений, выраженных в группе лиц с эмоциональной значи-

мостью на стимулы, а также изменения, свидетельствующие о формировании новых предпочтений по объекту и формам сексуальной активности (формирование агрессивных тенденций). В этих случаях можно говорить о более глубоких психологических нарушениях полового самосознания, сферы сексуальных и полоролевых предпочтений на фоне снижения внутриличностной конфликтности. В данном случае можно отметить снижение веса эмоциональных нарушений на фоне искажений в сфере представлений (т.е. когнитивной) о полоролевых стереотипах, полоролевых и сексуальных предпочтениях.

Обобщая результаты исследования в этой группе испытуемых, можно отметить определенные закономерности.

Во-первых, подтверждается давно высказываемая многими исследователями точка зрения, что формирование гомосексуального влечения может осуществляться несколькими путями: а) после сексуального насилия в детстве — скорее всего, по механизму импринтинга; б) вторично у лиц с отрицательным отношением к женщине; в) в рамках бисексуальной направленности влечения на детей, когда незрелость, половая недифференцированность объекта является гораздо более сильным эротическим стимулом, чем сами половые признаки.

Во-вторых, значимость психофизиологических реакций характерна для эгодистонического отношения к влечению, при эгосинтонии, о которой говорит прежде всего положительный вербальный ответ на предъявляемый стимул сексуального характера, статистически достоверных реакций получить не удается.

В третьих, подтверждается высказанное ранее [13] положение о близости гомосексуального и садистического радикалов при парафилиях.

При анализе результатов психофизиологического обследования у лиц с установочным поведением и выбором гомосексуального эфебофильного объекта выявляются восприятие в качестве идеального партнера детей, нечеткое восприятие полоролевых стереотипов, деперсонализированное восприятие окружающих (женщин, мужчин, детей).

Установленные корреляции с поведением у лиц с выбором гетеросексуального эфебофильного объекта также подтверждают наличие эмоциональной значимости стимулов, соответствующих как поведению (визуальные стимулы гетеросексуального эфебофильного характера. $R = 0,87$; $p < 0,05$), так и эмоциональной значимости для них иных форм аномальной сексуальной активности, не проявляющихся в поведении (визуальных и вербальных стимулов садистического характера). У этих испытуемых при психологическом исследовании выявляются неустойчивость образа Я, приписывание «ребенку» качеств взрослого, что может отражать недостаточную дифференцированность возрастных представлений о половой роли, обнаруживается тенденция к установлению ассоциативных связей между понятиями «секс» и «ребенок», «мальчик», «мужчина»; в то же время отмечается стремление соответствовать мужским полоролевым стандартам и оценкам мужской референтной группы, что свидетельствует о внутриличностном конфликте.

У испытуемых, дававших положительные вербальные ответы на стимулы педофильного характера, но без значимых эмоциональных реакций на них помимо сходных с описанными при значимых реакциях на эти стимулы особенностей имеет место формирование агрессивных тенденций ($p < 0,05$).

Для испытуемых второй группы с садистическим характером поведения при совершении деликта характерны нечеткое усвоение полоролевых стереотипов, искаженность в сфере сексуальных предпочтений (ассоциативные связи «секс» — «мужчина», «мальчик»; идеальный сексуальный партнер — девочка), наличие садистических компонентов, черты зависимости от внешнего мира, аффектации.

У лиц второй группы с петтинговой активностью (направленной на детей) в числе психологических особенностей отмечаются восприятие в качестве идеального партнера детей, нечеткое восприятие полоролевых стереотипов, деперсонализированное восприятие окружающих, агрессивные тенденции.

В целом для испытуемых с установочным поведением характерны нечеткое усвоение полоролевых стереотипов, деперсонализированное восприятие окружающих (мужчин, женщин, детей), неустойчивость образа Я, приписывание «ребенку» качеств взрослого, что может отражать недостаточную дифференцированность возрастных представлений о половой роли; выявляется тенденция к установлению ассоциативных связей между понятиями «секс» и «ребенок», «мальчик», «мужчина» и в то же время — стремление соответствовать мужским полоролевым стандартам и оценкам мужской референтной группы (близость понятий Я-идеальное и «мужчины считают, что Я», по данным методики МиФ), что свидетельствует о внутриличностном конфликте. При сохранности желания соответствовать мужским полоролевым стереотипам у них выявляются аутоэротические черты (ассоциативная связь «я» — «идеальный сексуальный партнер»), ассоциативные связи между понятиями «секс» — «мальчик». Отмечается расхождение между образами реального сексуального партнера, который характеризуется выраженными маскулинными качествами, и идеального сексуального партнера, наделяющегося ими фемининными качествами. Испытуемые склонны приписывать женщине детские качества, что может отражать недостаточную дифференцированность возрастных представлений о половой роли, у них обнаруживаются черты зависимости от внешнего мира, демонстративность, формируются агрессивные тенденции, выявляются данные, свидетельствующие о трудности установления межличностных контактов.

У испытуемых с псевдопарафильным синдромом, совершивших сексуальные правонарушения в отношении объекта гетеросексуального педофильного характера, направленное психологическое исследование выявило фемининность половой идентичности, аутоэротические черты, нечеткую идентификацию партнера по возрасту, ассоциативную связь «секс» — «девочка» при стремлении соответствовать мужским половым стандартам ($R = 0,77$; $p < 0,05$).

У испытуемых, совершивших деликт в отношении нормативных по полу и возрасту объектов (из-

насилование), при направленном психологическом исследовании выявлялась конфликтность в сфере полоролевых предпочтений (ассоциативные связи между понятиями «мальчик» — «мужчина», «секс» — «ребенок», «угроза» — «мужчина»; $R = 0,79$; $p < 0,05$).

При психологическом обследовании испытуемых третьей группы с садистическим характером поведения при совершении деликта определялась конфликтность в сфере сексуальных предпочтений (ассоциативные связи между понятиями «мальчик» — «мужчина», «секс» — «ребенок», «угроза» — «мужчина»).

У испытуемых без статистически значимых психофизиологических реакций с положительным вербальным ответом на данный стимул были выявлены фемининность половой идентичности, недостаточная дифференцированность полоролевых стереотипов по возрасту, аутоэротические черты ($R = 0,76$; $p < 0,05$).

Личностные особенности у лиц с петтинговым характером (направленной на детей) аномальной сексуальной активности в этой группе — недостаточная дифференцированность возрастных представлений о половой роли (приписывание ребенку качеств взрослых), отрицательное восприятие женщин, приписывание сексуальному партнеру маскулинных черт, установление ассоциативных связей между понятиями «секс» — «мужчина» ($p < 0,05$).

Таким образом, выявляется связь садистического, гомосексуального и педофильного компонентов в структуре не только парафильного, но и псевдопарафильного синдрома, что позволяет подтвердить высказанное ранее предположение об отсутствии осознания подобных влечений в этой группе испытуемых.

Психологические особенности у испытуемых с псевдопарафильным синдромом в целом складываются из фемининности полоролевой идентичности при маскулинном характере полоролевых стереотипов, стремлений соответствовать мужским полоролевым стандартам, что свидетельствует о внутриличностном конфликте. Обнаруживаются аутоэротические черты, нечеткая идентификация партнера по возрасту (приписывание ребенку качеств взрослых), восприятие в качестве сексуального партнера ребенка («секс» — «девочка»), отрицательное восприятие женщин, приписывание сексуальному партнеру маскулинных черт. Имеют место и конфликтность в сфере сексуальных предпочтений (тенденции к установлению ассоциативных связей «секс» — «мужчина», «угроза» — «мужчина») и полоролевых стереотипов (ассоциативные связи «я — ребенок»), черты подчиняемости, зависимости от внешнего мира, высокой аффектации. Полученные результаты подтверждают те же закономерности недифференцированности объекта сексуального влечения, которые характерны для лиц с парафилией, близость гомосексуальности, педофилии и садизма, но в отличие от лиц первой группы выбор гетеросексуального эфебофильного объекта сопровождается предпочтением эротической активности.

Выявляемый симптомокомплекс нарушений сексуальной сферы носит менее генерализованный характер, чем у лиц с аномалиями сексуального влечения, что свидетельствует о большей сохранности сферы

полового самосознания, полоролевых и сексуальных предпочтений на фоне меньшей интенсивности внутриличностных конфликтов, связанных с сексуальной сферой, чем в группе с расстройствами влечения.

Исходя из полученных данных, можно говорить о наличии полоролевого конфликта, в основе которого лежат нарушения полоролевой идентичности, у всех испытуемых. Однако подэкспертные с расстройством сексуального влечения наряду с этим характеризуются нарушением интериоризации мужской половой роли; выраженной незрелостью возрастного самосознания; неустойчивостью образа Я, проявляющейся в ощущении собственной уязвимости и незащищенности; склонностью к идентификации себя с образом ребенка; отсутствием стремления ориентироваться на оценку мужской группы в регуляции своего поведения; предпочтением инфантильного и низкомаскулинного сексуального партнера.

Для испытуемых без клинически подтвержденных парафилий наряду с нарушением полоролевой идентичности характерны искажение интериоризации мужской половой роли; формальное, атрибутивное восприятие образа мужчины; наряду с этим им свойственно отождествлять себя с образом мужчины на эмоциональном уровне, ориентироваться на оценки мужской референтной группы в регуляции поведения, стремление демонстрировать маскулинное поведение; у них отмечается несоответствие реального сексуального партнера, который характеризуется выраженными маскулинными качествами, и идеального сексуального партнера, наделяющегося ими фемининными качествами.

Совпадение психофизиологических и психологи-

ческих данных выявлялось в 70,45% случаев в первой группе, в 62,5% — во второй и в 71,42% — в третьей. При этом полное совпадение данных наблюдалось в 17,28, 24,14 и 35,72% случаев соответственно, а совпадение данных и выявление значимости форм аномальной сексуальной активности, не определявшееся при психологическом исследовании, отмечались примерно одинаково часто (43,18; 37,5 и 35,72% соответственно).

Несовпадение результатов психологического и психофизиологического исследований выявлялось без достоверных различий между группами. Отсутствие психофизиологических данных в первой группе наблюдалось в 9,1% случаев, во второй — в 12,5% и в третьей — в 7,48%. Причинами отсутствия психофизиологических реакций были повышенный уровень тревожности в момент обследования и гиперкинетическая симптоматика вследствие применения нейролептиков, что может служить противопоказанием к проведению психофизиологического исследования.

Обобщение результатов проведенного исследования позволяет сделать заключение, что психологически лица с парафилиями характеризуются нарушением эмоционального восприятия полоролевых стереотипов и сексуальных и полоролевых предпочтений при эгодистоническом отношении к влечению и когнитивными их искажениями при эгосинтомии; у лиц с псевдопарафильным поведением психосексуальная сфера более сохранна на фоне внутриличностных конфликтов меньшей интенсивности, а лица с установочным поведением, совершившие девиантные сексуальные действия, обнаруживают сходные с обеими группами особенности.

Литература

1. *Костандов Э.А.* Функциональная асимметрия полушарий и неосознаваемое восприятие.— М.: Наука, 1983.— 290 с.
2. *LeDoux J.E.* Cognitive-emotional interactions in the brain // *Cognit. and Emot.*— 1989; 3.
3. *Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В.* Судебная сексология: Руковод. врачей.— М.: Юрид. лит-ра, 2001.— 586 с.
4. *Старович Л.* Судебная сексология.— М.: Юрид. лит-ра, 1991.— 333 с.
5. *Бессонова Т.Л.* Психологические особенности полоролевого самосознания и самопринятия личности студента педагогического ВУЗа: Автореф. дис. ... канд. психол. наук.— М., 1994.— 16 с.
6. *Byrne D.* Introduction: The study of sexual behavior as multidisciplinary venture // *Alternative approaches to study of sexual behavior* / Eds. D. Byrne & K.K. Kelly.— London: Lawrence Erlbaum, 1986.— P. 1–12.
7. *Barlow D.H.* Causes of sexual dysfunction: The role of anxiety and cognitive interference // *J. of Consult. and Clin. Psychol.*— 1986; 54: 140–148.
8. *Frijda N.H.* The emotions.— Cambridge: Cambridge University Press, 1986.
9. *Frijda N.H.* De sexele emoties. Paper presented at ISSO conference.— Utrecht; Netherlands, 1998.
10. *Bancroft J.* Human sexuality and its problems.— Edinburgh: Churchill Livingstone, 1989.— 198 p.
11. *Everaerd W., Laan E.* Cognitive aspects of sexual functioning and dysfunctioning // *Sex. and Marit. Therapy.*— 1994; 9.
12. *Reid J.E.* A revised questioning technique in lie-detection tests // *J. of Crim. Law and Criminology.*— 1947; 37: 542–547.
13. *Ткаченко А.А.* Парафилии и аномальное сексуальное поведение: Автореф. дис. ... д-ра мед. наук.— М., 1994.— 37 с.

Поступила 21.01.2003

PSYCHOPHYSIOLOGICAL AND PSYCHOLOGICAL ASPECTS OF DIAGNOSIS OF SEXUAL PREFERENCE DISTURBANCES

G.E. Vvedensky, A.Yu. Khavkin

S u m m a r y

Based on the findings of clinical-experimental-psychological and psychophysiological studies psychological characteristics of the persons who committed sexual offence with paraphilia and pseudoparaphilic behavior is presented. Differences in preservation of their sexual sphere are shown.